

**ЛИНГВИСТИКА
И МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ**

УДК 81.255

**ПЕРЕВОД ПОЭТИЧЕСКОГО ТЕКСТА: РЕИНТЕРПРЕТАЦИЯ СМЫСЛА
ИЛИ ТВОРЧЕСТВО?**

М.В. Вербова, Е.А. Салтыкова

miraj@list.ru, katya_saltykova@mail.ru

***Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского,
г. Калуга, Россия***

Аннотация. В статье охарактеризованы основные трудности перевода поэтических текстов, определяющие творческий характер этой деятельности. В поэтическом переводе, как ни в каком другом, с предельной остротой проявляется проблема соотносённости формы и содержания текста, его «буквы» и «духа». Делая выбор в пользу сохранения одних компонентов произведения и жертвуя другими, поэт-переводчик предстаёт как мастер художественного слова, дающий новую жизнь иноязычному произведению в пространстве собственной культуры.

Ключевые слова: поэтический перевод, вольный перевод, буквализм, языковая личность.

Для цитирования: Вербова М.В., Салтыкова Е.А. Перевод поэтического текста: реинтерпретация смысла или творчество? *Казанский лингвистический журнал*. 2019; 3 (2): 5–13.

**TRANSLATION OF POETIC TEXT:
REINTERPRETATION OR CREATIVITY?**

M.V. Verbova, E.A. Saltykova

miraj@list.ru, katya_saltykova@mail.ru

Tsiolkovsky Kaluga State University, Kaluga, Russia

Abstract. The main difficulties of poetic translation, which define creative character of this process, are analyzed in the article. The problem of correlation between text form

and content, i. e. between its “letter” and “spirit” is revealed the most keenly in poetic translation. Choosing some components and disregarding the others, a poet-translator appears as a master of art expression and gives new life to a foreign-language work in the space of his own culture.

Keywords: poetic translation, free translation, literalism, linguistic personality.

For citation: Verbova M.V., Saltykova E.A. Translation of poetic text: reinterpretation or creativity? *Kazan Linguistics Journal*. 2019; 3 (2): 5–13. (In Russ.)

Перевод любого текста – это трудоёмкий процесс. Перевод художественного текста – вдвойне сложная задача, включающая передачу не только смысла, но и настроения авторского обращения к читателю. Переводчик художественных произведений, в отличие от переводчиков научно-технических и общественно-политических текстов, не может ограничиться использованием заученных словесных клише, т. е. его труд носит не репродуктивный, а творческий характер [4, с. 176]. По словам Г. Гачечиладзе, «художественный перевод – именно творческий акт, т. к. результат его – создание новой художественной ценности на другом языке, с которым перевод связан органически и – что самое главное – отмечен творческой индивидуальностью своего создателя» [2, с. 102]. Особенно непроста работа переводчика поэзии, что обусловлено спецификой достаточно жесткой формы, присущей любому поэтическому произведению. Это не только иерархия смысловых элементов, но и свойства языка, характерные для поэзии: рифма, ритм, размер, строфика, взаимоотношение гласных и согласных звуков, протяженность, музыкальность и т. д. Необходимость передать как содержание, так и ритмико-мелодическую и композиционно-структурную стороны оригинала ставит поэта-переводчика перед дилеммой: что воспроизвести точнее – смысл или форму, и чем можно пожертвовать [2, с. 81–82].

Эти сложности заставляли многих поэтов и исследователей (Данте, П. Б. Шелли, Р. Фроста, Р. Грэйвса, У. Уинтера, Б. Раффела и др.) сомневаться в возможности создания достойных образцов поэтического перевода [9, с. 200; 1, с. 87]. Но в 1920-х гг. отечественные переводчики заговорили о «переводимости» поэтических текстов, опираясь на блестящие достижения С. Маршака, М. Лозинского и других поэтов [5, с. 24]. Б. Л. Пастернак писал:

«Переводы мыслимы: потому что в идеале и они должны быть художественными произведениями и, при общности текста, становиться вровень с оригиналами своей собственной неповторимостью. Переводы мыслимы потому, что до нас веками переводили друг друга целые литературы, и переводы – не способ ознакомления с отдельными произведениями, а средство высокого общения культур и народов» [7, с. 393–394].

Каждый поэт-переводчик по-своему решает, чем жертвовать – формой или содержанием. Отсюда разнообразие подходов к переводу, в котором прослеживаются две крайности: перевод вольный и буквальный. Сторонники вольного перевода, господствовавшего в нашей литературе до начала XX в., приравнивали роль переводчика к роли оригинального писателя, призванного воспроизводить смыслы и общее настроение текста. Произведение нередко искажалось ими до неузнаваемости. Их оппоненты – сторонники буквализма, особенно популярного в 1930-е гг., в стремлении к внешней точности часто губили внутреннее содержание произведения, его настроение и впечатление, которое автор намеревался произвести на читателя. Несостоятельность их позиции легко доказывается обратным переводом переведённого текста на исходный язык. Г. Гачечиладзе отмечает: «...можно максимально сохранить все лингвостилистические средства при таком обратном переводе и все же получить лишь бледное подобие оригинала, а возможно, и даже пародию на него, но никак не сам оригинал» [2, с. 102]. После 1930-х гг. переводчики обратились к поискам «срединного пути», позволяющего достичь приемлемого баланса между творческой свободой и бережным отношением к форме подлинника. Эти поиски привели к появлению блистательной плеяды переводчиков, открывших русскому читателю богатство зарубежной поэзии (С. Я. Маршак, М. Л. Лозинский, Н. А. Заболоцкий, Б. Л. Пастернак, А. М. Гелескул, В. В. Левик и др.). Их целью становится создание нового художественного произведения при максимальном воспроизведении оригинала в единстве его содержания и формы.

Для мастера-переводчика слова – это лишь средство, а не цель его работы. Г. Гачечиладзе пишет: «Переводчика мучают образы, а не слова оригинала, смысл которых ему необходим для раскрытия образов, и он старается воссоздать эти образы своими словами» [2, с. 118]. Работая над передачей смыслов оригинала, переводчик самостоятельно заново создает на родном языке все художественные средства языкового порядка. Поэтому художественный перевод можно определить как оригинальное интерпретационное творчество [5, с. 25]. Многочисленные способы перевода, используемые переводчиками, легли в основу различных научных типологий, разработанных А. Лефевром, Б. Раффелом, Р. Р. Чайковским и др. исследователями [6, с. 54–60]. Н. В. Шутёмова различает переводы по степени адекватности передачи авторского замысла: консонансный, консонансно-диссонансный и диссонансный [10, с. 62–66].

Однако от чего зависит качество и особенности перевода? Очевидно, от мастерства и индивидуальности переводчика. В частности, от его умения верно подобрать «стилистический ключ» к подлиннику, т. е. понять стилистику автора и найти её адекватный аналог в собственной культуре [2, с. 133–134]. Но здесь нужно опасаться буквализма на «стилистическом» уровне [2, с. 136] и помнить, что «каждый язык решает единую стилистическую задачу своими особыми национальными средствами, и калькирование чуждых форм – это не стилистический приём, а искажение родного языка» [2, с. 131]. Поэтому так важна высокая речевая культура переводчика, позволяющая характеризовать его как языковую личность элитарного типа [8, с. 65]. Исследователи и переводчики расходятся в вопросе: должен ли поэт-переводчик знать иностранный язык так же хорошо, как родной, и допустима ли работа с подстрочником. Но безукоризненное владение родным словом для него обязательно. Н. Заболоцкий пишет: «Переводчиков справедливо упрекают в том, что многие из них не знают языка, с которого переводят. Однако первая и необходимая их обязанность – хорошо знать тот язык, на котором они пишут» [3, с. 251–252].

Характер перевода во многом определяют также отношение переводчика к культуре переводимого языка и к автору оригинала. Это отношение обусловлено его пониманием осуществляемого в переводе взаимодействия культур и своей роли в этом процессе. В работе с оригиналом как феноменом другой культуры переводчик сталкивается с двумя опасными крайностями: неумеренным акцентированием национальных черт подлинника и механическим перенесением «места действия» переводимого произведения в его родную страну. В идеале перевод должен быть «органическим синтезом обоих национальных начал» [2, с. 146]. Национальные черты подлинника можно обнаружить в переводе, проанализировав текстуальные соответствия. А вот национальные черты второго языка неявно присутствуют в естественности звучания переведённого стиха, в его соответствии местной поэтической традиции [2, с. 140, 147].

Взаимодействие двух культурных миров в процессе перевода преломляется на индивидуальном уровне в одностороннем заочном «обращении» переводчика как вторичной языковой личности к другой языковой личности – автору оригинала. Нередко литературное «я» переводчика затмевает индивидуальность автора. К. Чуковский отмечал: «В Англии “Илиаду” переводили такие большие поэты, как Чапмен, Поуп и Каупер, но читаешь эти переводы и видишь: сколько переводчиков, столько Гомеров. У Чапмена Гомер витиеват, как Чапмен, у Поупа напыщен, как Поуп, у Каупера сух и лаконичен, как Каупер» [9, с. 23]. То же Чуковский говорит о стихах Перси Биши Шелли в переводе К. Бальмонта: «Личность переводчика слишком уж резко отпечаталась на текстах изготовленного им перевода. Все отсебятины Бальмонта объединены в некое стройное целое, у всех у них один и тот же галантерейный, романсовый стиль, и это наносит автору в тысячу раз больший ущерб, чем случайные словарные ошибки. У Шелли написано: лютня, Бальмонт переводит: рокот лютни чаровницы. У Шелли написано: сон, он переводит: роскошная нега. У Шелли: женщина, он переводит: женщина картина» [9, с. 24–25]. Чуковский отмечает, что благодаря подобным

изменениям текст становится до странности похож на Бальмонта. В подобных случаях подлинник теряет индивидуальные черты, приданные ему автором. «Плох тот переводчик, у которого все поэты получаются на одно лицо», – отмечает Заболоцкий [3, с. 252]. Но означает ли это, что переводчик должен полностью отказаться от собственной творческой манеры и «перевоплотиться» в автора оригинала, как актёр перевоплощается на сцене? [2, с. 113] Г. Гачечиладзе выступает против полной нивелировки индивидуальности переводчика и приводит слова из доклада П. Антокольского, М. Ауэзова и М. Рыльского на Втором съезде советских писателей: «Долг переводчика проникнуться мировоззрением, манерой, стилистическим характером автора и по мере сил передать это мироощущение, манеру и стиль средствами родного языка, оставаясь самим собою. Какое же творчество возможно после утраты индивидуальности?» [2, с. 137–138]. Продолжая мысль о синтезе двух культурных начал в переводе, Гачечиладзе настаивает на синтезе двух творческих индивидуальностей [2, с. 138]. О значении связи между переводчиком и автором говорит простой общепризнанный факт: лучшие переводы появляются, когда переводчик работает с текстами близкого ему по духу автора.

При удачном сочетании названных выше черт, переведённый поэтический текст становится органической частью принимающей культуры или даже признаётся литературным шедевром. И хотя создание равнозначного по всем языковым и смысловым параметрам текста на языке перевода – трудная, почти невыполнимая задача, все же каждый переводчик должен, преодолевая всю разность языков, стремиться к максимальной достоверности передачи смыслов, настроения и намерения, с которыми автор создавал текст, а также мелодики оригинала. Поскольку главную роль при рождении перевода играет переводчик, именно от его мастерства и таланта зависит, получит ли читатель текст, воспроизводящий лучшие качества и суть оригинала, не уступающий ему по своим художественным достоинствам. Предельно важными в этом процессе становятся не только уровень образованности

переводчика, знание и владение средствами языка, но и цель, которую он ставит перед собой: не продемонстрировать свое творческое «я», а попытаться дать оригинальному произведению жизнь в новом культурном пространстве, жизнь настоящую, которая не утратит своего дыхания при переходе в другой язык.

Литература

1. *Алексеева Л.М., Шутёмова Н.В.* Существует ли поэтический перевод? // Вестник Пермского ун-та. Российская и зарубежная филология. 2011. Вып. 3 (15). С. 87–93.
2. *Гачечиладзе Г.* Художественный перевод и литературные взаимосвязи / Г. Гачечиладзе. М.: Советский писатель, 1972. 264 с.
3. *Заболоцкий Н.* Заметки переводчика // Мастерство перевода. М.: Советский писатель, 1959. С. 251–253.
4. *Миньяр-Белоручев Р.К.* Теория и методы перевода / Р. К. Миньяр-Белоручев. М.: Московский лицей, 1996. 206 с.
5. *Модестов В.С.* Художественный перевод: история, теория, практика / В. С. Модестов. М. Изд-во Литературного ин-та им. А. М. Горького, 2006. 461 с.
6. *Огнева Е.А.* Художественный перевод: проблемы передачи компонентов переводческого кода / Е. А. Огнева. М.: Эдитус, 2012. 234 с.
7. *Пастернак Б.Л.* Собр. соч. в 5 тт. Т. 4. / Б. Л. Пастернак. М.: Художественная литература, 1991. 370 с.
8. *Тарнаева Л.П.* Концепции языковой личности в контексте проблем переводоведения // Вестник Ленинградского гос. ун-та им. А. С. Пушкина. 2008. № 2 (13). С. 55–70.
9. *Чуковский К.И.* Высокое искусство / К. И. Чуковский. СПб.: Азбука, 2015. 416 с.
10. *Шутёмова Н.В.* Типы поэтического перевода // Вестник Пермского ун-та. Российская и зарубежная филология. 2012. Вып. 1 (17). С. 60–66.

References

1. Alekseeva, L.M., Shutemova, N.V. (2011). *Sushchestvuet li poeticheskii perevod?* [On the existence of poetic translation] // Vestnik Permskogo un-ta. Rossiiskaya i zarubezhnaya filologiya. Vyp. 3 (15). S. 87–93. (In Russian)
2. Gachechiladze, G. (1972). *Khudozhestvennyi perevod i literaturnye vzaimosvyazi* [Artistic translation and literary interrelations] / G. Gachechiladze. M.: Sovetskii pisatel'. 264 s. (In Russian)
3. Zabolotskii, N. (1959). *Zametki perevodchika* [Translator's notes] // *Masterstvo perevoda*. M.: Sovetskii pisatel'. S. 251–253. (In Russian)
4. Min'yar-Beloruhev, R.K. (1996). *Teoriya i metody perevoda* [Theory and methods of translation] / R. K. Min'yar-Beloruhev. M.: Moskovskii litsei. 206 s. (In Russian)
5. Modestov, V.S. (2006). *Khudozhestvennyi perevod: istoriya, teoriya, praktika* [Artistic translation: history, theory, practice] / V. S. Modestov. M. Izd-vo Literaturnogo in-ta im. A. M. Gor'kogo. 461 s. (In Russian)
6. Ogneva, E.A. (2012). *Khudozhestvennyi perevod: problemy peredachi komponentov perevodcheskogo koda* [Literary Translation: the Problem of Transmission Components of Translating code] / E. A. Ogneva. M.: Editus. 234 s. (In Russian)
7. Pasternak, B.L. (1991). *Sobr. soch. v 5 tt.* [Collected works in 5 vol]. T. 4. / B. L. Pasternak. M.: Khudozhestvennaya literatura. 370 s. (In Russian)
8. Tarnaeva, L.P. (2008). *Kontseptsii yazykovoï lichnosti v kontekste problem perevodovedeniya* [Linguistic Personality Concepts in Terms of Translation Studies Issues] // Vestnik Leningradskogo gos. un-ta im. A. S. Pushkina. № 2 (13). S. 55–70. (In Russian)
9. Chukovskii, K.I. (2015). *Vysokoe iskusstvo* [High Art] / K. I. Chukovskii. SPb.: Azbuka. 416 s. (In Russian)
10. Shutemova, N.V. (2012). *Tipy poeticheskogo perevoda* [Types of poetic translation] // Vestnik Permskogo un-ta. Rossiiskaya i zarubezhnaya filologiya. Vyp. 1 (17). S. 60–66. (In Russian)

Авторы публикации**Authors of the publication**

Вербова Мария Владимировна –
магистрант 2-го года обучения,
Калужский государственный университет
им. К.Э. Циолковского
г. Калуга, Россия
E-mail: miraj@list.ru

M. Verbova –
a second year postgraduate,
Tsiolkovsky Kaluga State University,
Kaluga, Russia
E-mail: miraj@list.ru

Салтыкова Екатерина Алексеевна –
кандидат филологических наук,
доцент
Калужский государственный университет
им. К.Э. Циолковского
г. Калуга, Россия
E-mail: katya_saltykova@mail.ru

E. Saltykova –
Candidate of Philological Sciences,
Associate Professor
Tsiolkovsky Kaluga State University,
Kaluga, Russia
E-mail: katya_saltykova@mail.ru

Поступила в редакцию 10.06.2019.

Принята к публикации 12.07.2019.

УДК 811.11-112

**АНАЛИЗ СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЕЙ
МНОГОКОМПОНЕНТНЫХ ТЕРМИНОВ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ
(НА ПРИМЕРЕ ПОДЪЯЗЫКА БИОТЕХНОЛОГИЙ)**

А.З. Гайнутдинова

Alsou1304@yandex.ru

Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия

Аннотация. Данная работа посвящена комплексному исследованию структурно-семантических особенностей многокомпонентных терминов (далее МКТ) в английском подъязыке биотехнологий. Данный подъязык, или язык для специальных целей, начал свое формирование относительно недавно и включает в себя лексику таких предметных областей, как бионика, биофармакология, наномедицина, клонирование и другие. В своих исследованиях особенностей МКТ Дроздова, Гринев и Егоршина выявили, что МКТ получили такое широкое распространение в технологической сфере прежде всего за счет их цельности. В результате анализа трех-, четырех-, пяти- и шестикомпонентных терминов подъязыка биотехнологий было выявлено преобладание трехкомпонентных терминов с тенденцией к увеличению компонентов в термине в связи с постоянным усложнением